

Хотя слова прозвучали как вопрос, в глубине души Фэй Цзиншо уже давно знал на него ответ.

Жизненный цикл любой сельскохозяйственной культуры неизменен: семя, всходы, росток, созревание, цветение, плоды, старость и неизбежная гибель.

Обычную капусту, чтобы сохранить её нежный вкус, собирают на пике зрелости — пускают на продажу или просто жарят к обеду.

Когда Сяо Цин созрел, у Фэй Цзиншо не поднялась рука ни продать его, ни съесть. Он оставил его расти, позволив и дальше жить на этой земле.

Так Сяо Цин зацвёл и дал семена. Но созревание плодов у растений означает лишь одно — их жизненный путь подходит к концу.

Сяо Цин казался Фэй Цзиншо удивительным, почти волшебным существом, но никакое волшебство не могло отменить суровую реальность. Он оставался всего лишь овощем. Капустой Муэр, чей век, даже при самом заботливом уходе и счастливой жизни, не превышает полугода.

— Фэй Цзиншо, тебе грустно? Ты грустишь из-за меня?

Голос Сяо Цина раздался после долгого молчания. Он звучал тихо, лишенный привычного задора, и в нём сквозила щемящая слабость.

— Вовсе нет. С чего бы мне грустить? — возразил Фэй Цзиншо. — Ты ведь такой бодрый, полный сил. Наверное, я просто ошибся, когда подумал про старость.

Фэй Цзиншо и представить не мог, что когда-нибудь станет так жалко цепляться за самообман.

Он сам завёл этот разговор, но теперь, глядя на увядающего Сяо Цина, отчаянно не желал слышать ответ. Ему хотелось немедленно, раз и навсегда, закрыть эту тему.

— Нет, Фэй Цзиншо, ты не ошибся, — тихо отозвался Сяо Цин. — Я действительно старею.

Сложно сказать, понимал ли Сяо Цин, что творится на душе у хозяина. Но как истинное дитя природы, он отличался безупречной честностью: если его спрашивали, он всегда отвечал правду — прямо и просто.

И эта честность, прежде так восхищавшая Фэй Цзиншо, теперь ранила сильнее всего, лишая последних сил.

—...

Фэй Цзиншо лишь крепче сжал челюсти, глядя на Сяо Цина. Все слова застряли в горле.

А Сяо Цин, словно ни в чём не бывало, разговорился и принялся тихонько лепетать, как делал это всегда:

— Фэй Цзиншо, мы, растения, устроены совсем не так, как люди. Мы не боимся смерти. С самого появления на свет наше предназначение — прорасти, вытянуться к солнцу, созреть, дать семена и мирно уйти. Я правда не боюсь умереть, честное слово!

— Только... знаешь, Фэй Цзиншо... Наверное, я слишком долго прожил рядом с тобой и набрался у людей их слабости.

— Как только подумаю, что больше не смогу болтать с тобой, не смогу играть с Сяо Ту, не смогу приглядывать за своими зелёными «младшими братьями»... Мне становится самую малость грустно. Из-за этого и сил как будто поубавилось.

— Прости меня, Фэй Цзиншо. Я уже несколько дней знаю, что моё время уходит. Но ты не спрашивал, и я потихоньку молчал. Мне так хотелось дождаться дня, когда я окончательно онемею, и только тогда открыться тебе... Чтобы ты запомнил меня сильным и стойким.

— Эх... Но ты, Фэй Цзиншо, хоть и человек, оказался на удивление проникательным.

Они прожили бок о бок так долго, что Фэй Цзиншо уже перестал мысленно очеловечивать Сяо Цина и Сяо Ту, как делал это вначале.

Сами того не замечая, они стали для него самобытными личностями. Как бы оживлённо они ни болтали, для него Сяо Цин оставался Сяо Цином, а Сяо Ту — Сяо Ту. Они были уникальны сами по себе, без всяких сравнений.

Но сейчас, когда в ушах звенел дрожащий, едва сдерживающий слёзы голосок Сяо Цина, перед глазами Фэй Цзиншо снова возник тот самый человеческий образ. Перед ним стоял вихрастый мальчуган лет семи-восьми. Вот только его густые тёмно-зелёные волосы подёрнулись жёлто-серой патиной увядания, а румяное личико осунулось и побледнело. Наполненные прежде неиссякаемой энергией глаза блеснули от влаги, но упрямые слёзы так и не скатились по щекам — мальчик отчаянно боролся со страхом перед лицом наступающей смерти.

Сяо Цин... Маленький Сяо Цин...

Фэй Цзиншо всегда полагал, что прекрасно понимает законы природы. Жизнь, старость, болезни и смерть — естественный круговорот вещей, тем более для безмолвного растения.

Иначе как бы он мог спокойно продавать выращенный на ферме урожай?

Как мог бы продолжать жить дальше после того, как сам однажды умер и переродился?

Но что, если этот неизбежный закон природы коснулся Сяо Цина?

Кем на самом деле был для него этот маленький росток?

Фэй Цзиншо никогда всерьёз не задумывался об этом.

Но он знал одно: если бы не верная компания Сяо Цина с самых первых дней, он вряд ли смог бы так легко освоиться в этом новом мире.

Без этой болтливой капусты он никогда бы не нашёл в себе силы двигаться вперёд с такой уверенностью.

Не кровная родня, но ближе любого родственника.

Сяо Цин был для него и питомцем, и весёлым другом, и неразумным дитятей, и единственным близким существом — тихой гаванью для его одинокой души.

И неужели час расставания уже пробил?

Фэй Цзиншо крепко, до боли закусил губу.

Он опустился на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с увядающими листьями Сяо Цина. Он ощутил бурю чувств, сменившуюся глубокой решимостью.

— Сяо Цин, не забивай себе голову глупостями, — мягко произнёс он. — Ты будешь жить. Кто, если не ты, станет воспитывать для меня новые поколения неразумных «младших братьев»?

— Правда?.. — неуверенно прошелестел Сяо Цин.

Его мягкий лист робко потянулся к щеке Фэй Цзиншо. Лист был прохладным и нежным, как и всегда. Фэй Цзиншо ласково прижался к нему лицом, чувствуя угасающее тепло друга, и лишь спустя минуту медленно выпрямился.

— Конечно.

Увы, обещание — это чаще всего лишь слова утешения. В реальной жизни не бывает как в

аниме, где герой на пределе сил вдруг преодолевает любые законы вселенной одним лишь усилием воли, а его показатели мгновенно взлетают до небес.

Как бы сильно он этого ни желал, какими бы горячими ни были его безмолвные мольбы, чудо не произошло.

Решимость, переполнявшая его в тот день, разбилась вдребезги о жестокую реальность.

Если даже передовые технологии человечества бессильны перед старостью и смертью людей, что говорить о беззащитном растении?

С того самого вечера Фэй Цзиншо сутками пропадал в энциклопедической библиотеке своего оптического компьютера. Он лихорадочно перелистывал терабайты информации, но всё было тщетно: когда жизненный цикл растения подходит к естественному концу, наука разводит руками.

На его счету оставалось больше двадцати тысяч кредитов, но даже если бы он потратил всё до последнего цента на лучшие стимуляторы и питательные растворы, это ничего бы не изменило.

Всё, что ему оставалось — быть рядом. И беспомощно наблюдать за тем, как Сяо Цин медленно угасает.

Твёрдая вера в чудо обернулась прахом. Бессилие. Какая удушающая ирония.

Сяо Цин, заметив, что хозяин больше не пытается делать вид, будто всё хорошо, тоже перестал притворяться бодрым. Говорил он теперь только тихим шёпотом, замирая и почти не шевеля листьями. Без этих редких, едва слышных слов его легко можно было принять за обычный увядающий кустик.

У людей путь от зрелости до глубокой старости и смерти занимает десятилетия. Сяо Цину на это потребовалось всего пятнадцать дней.

Пятнадцать коротких дней — и сочная зелень сначала подёрнулась едва заметной желтизной, затем высохла до золотистой ломкости, пока вся грибная капуста не превратилась в безжизненный сморщенный комочек.

Всего две недели Фэй Цзиншо шаг за шагом наблюдал, как утекает жизнь из того, кто ещё вчера был полон задора.

— Фэй Цзиншо, хоть у тебя и не получилось продлить мою жизнь навсегда, я всё равно очень счастлив.

— Я ведь никогда не говорил тебе... Хотя я частенько и ворчал, что ты занудный, робкий и порой совершенно беспомощный человек... На самом деле я тебя очень-очень люблю.

— Я так рад, что моим хозяином стал именно ты.

— Поэтому обещай мне: даже когда меня не станет, ты будешь улыбаться.

— Ты ведь хотел заработать кучу денег и вырастить на своей ферме такие овощи, которые удивят всё человечество? Обязательно сделай это.

В тот день небо было пронзительно-синим, без единого облачка. Вся ферма утопала в сочной, ликующей зелени: одни грядки уже наливались спелостью, другие только выпускали нежные ростки. Жизнь вокруг была ключом.

Фэй Цзиншо окинул взглядом эти бескрайние зелёные просторы. А рядом с ним тихий голосок некогда неутомимой капусты Муэр, сияясь звучать бодро и весело, становился всё глуше... пока не растаял в полуденном зное.

Нежные, прохладные когда-то листья окончательно сжались в сухой бурый комок. Раздался еле слышный сухой щелчок — надломился истончившийся корень. И Сяо Цин безжизненно повалился на землю. Высохшие, пожелтевшие останки распластались на тёплой грядке, являя собой картину беспредельного, щемящего одиночества. Какая безжалостная ирония посреди буйства летней жизни.

Они простились навсегда. И больше уже никогда не увидятся.

<http://bllate.org/book/18999/1979743>